
ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Ректоръ Саратов. Д. Семинаріи, о. Протоіерей Ѳеодоръ Васильевичъ Гурьевъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

Въ г. Саратовѣ, 27-го февр. сего 1876 г., въ 2-ва часа по полудни, скончался, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, Ректоръ Саратов. дух. православ. Семинаріи о. Протоіер. Ѳеодоръ Васил. Гурьевъ, на 41-мъ г. своей жизни. Покойный о. Ректоръ былъ старшій сынъ сельскаго діакона, Тамбовской губ., отецъ имѣлъ 6-ро дѣтей. Какъ прожилъ онъ жизнь свою въ домѣ родителей, какъ учился и воспитывался въ дух. училищѣ, затѣмъ въ Семинаріи и д. академіи, что особенное съ нимъ встрѣчалось въ школьной жизни, объ этомъ намъ неизвѣстно. Будемъ благодарны тому, кто впоследствии подаритъ намъ полную біографію Ѳеодора Васил. Предъ нами формулярный списокъ о службѣ покойнаго о. Ректора. Отсюда мы узнаемъ, что, по окончаніи въ Казанской дух. Академіи курса наукъ, съ причисленіемъ къ 1-му разряду воспитанниковъ оной, Ѳеодоръ Васил. Св. Синодомъ назначенъ въ Саратов. Д. Семинарію на должность учителя по предмету Риторикѣ и соединенныхъ съ нею предметовъ 1860 г. сент. 23; возведенъ на степень магистра 1861 г. янв. 2. Бывшіе ученики Ѳеодора Вас., слушавшіе его уроки по Риторикѣ и др. предметамъ, съ большою похвалою отзываются о немъ, — какъ даровитомъ, серьезномъ и

усердномъ наставникѣ, который отличался знаніемъ своего дѣла, развязностію, бойкостію рѣчи, живостію и веселостію характера — все это вмѣстѣ придавало особенную прелесть класснымъ занятіямъ, благотворно вліяло на развитіе умовъ молодыхъ воспитанниковъ и на облагороженіе ихъ сердець. Не погрѣшимъ, если скажемъ, что Ѳеодоръ Вас. возвышался надъ многими своими сослуживцами—наставниками Семинаріи по своимъ умственнымъ способностямъ и талантамъ учительскимъ. Преподавалъ Еврейскій языкъ съ октября 1864 г. по 31 авг.; временно преподавалъ Латинскій языкъ съ сент. 1866 г. по 26 февр. 1867 г. За природныя дарованія и практическій его тактъ на него возлагали особыя должности по Семинаріи: такъ проходилъ онъ должность Секретаря Семил. Правленія съ авг. 1864 г. по 31 авг. 1865 г. и должность эконома Семинаріи съ марта 1865 г. по 1867 г. Вездѣ и всегда показывалъ себя добросовѣтнымъ и исправнымъ; между саратовцами заслужилъ онъ прекрасную репутацію о себѣ. Онъ считался учителемъ умнымъ и талантливымъ, практикомъ честнымъ, сослуживцемъ очень добрымъ и симпатичнымъ. 31 августа 1867 г. перешолъ онъ изъ непреобразованной тогда Саратов. въ преобразованную Самарскую Семинарію, на кафедру Гомилетики и Литургіи.

Напутствованный отъ сослуживцевъ своихъ и воспитанниковъ всѣми возможными благожеланіями, Ѳеодоръ Васил. и на новомъ мѣстѣ службы своей вошелъ въ рядъ лучшихъ наставниковъ, основательныхъ и опытныхъ педагоговъ, и тамъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ. Избранъ былъ членомъ Педагогич. Собранія Правленія Самар. Семинар., каковую должность исправлялъ до выхода своего изъ этой Семинаріи. Семинарское Правленіе три раза поручало ему обзоръніе дух. училищъ. Въ 1868 г.

ревизовалъ онъ Бугурусланское д. училище, въ 1871 г.— Николаевское д. училище, а въ слѣдующемъ 1872 г.—опять Бугурусланское д. училище. За обстоятельную ревизію Николаев. училища объявлена ему Архiepастырская благодарность. Съ 2-го ноября 1868 г. по 20-е ноябр. 1872 г. проходилъ д. Секретаря Комитета по постройкѣ зданій Семинаріи. Временно преподавалъ Латинскій языкъ и Св. Писаніе. Состоялъ преподавателемъ въ женскомъ епархіал. училищѣ съ 1-го сент. 1867 г. по 15 декаб. 1872 г. Всѣ эти должности исполнялъ съ особеннымъ усердіемъ и пользою для заведеній. За отлично усердную и полезную службу Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени 1871 г. 25 дек. Такъ блестяще закончилась разносторонняя и весьма полезная дѣятельность Ѳедора Васил. въ г. Самарѣ. Тамъ пріобрѣлъ онъ себѣ по заслугамъ доброе имя и честь не только въ средѣ начальствующихъ, учащихъ и учащихся въ Семинаріи и др. духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но и между гражданами г. Самары. Въ то же время сохраняли добрую память о Ѳедорѣ Вас. и саратовцы. И вотъ, когда представился случай имъ выразить наружу свое душевное расположеніе къ прежнему отличному наставнику Семинаріи, они не замедлили проявить оное самымъ дѣломъ. Саратовцы возвратили Ѳедора Васил. изъ Самары въ Саратовъ съ честью и славою не на каѳедру только учителя, но и на должность Начальника Семинаріи. Члены Педагогич. Собранія Правленія Саратов. Д. Семинаріи, руководствуясь правами, данными новымъ Уставомъ Семинарскимъ, по баллотировкѣ большинствомъ голосовъ избрали на свободную тогда должность Ректора своей Семинаріи Ѳед. Васил.; опредѣленъ онъ Синодомъ на эту должность 17-го нояб. 1872 г. съ рукоположеніемъ въ санъ священства и возведеніемъ въ санъ Протоіерея. Рукоположенъ въ санъ священства Пресвященнѣйшимъ Герасимомъ,

Еписк. Самарскимъ, 25 дек. 1872 г., а въ санъ Протоіерея возведенъ 31 дек. того же г. и тогда же награжденъ набедреникомъ. За заслуги по духов. училищ. вѣдомству удостоенъ благословеніа Св. Синода 1873 г. апр. 8. Всемиловитѣйше пожалованъ камиллавоксю 30 марта 1874 г.

Въ 1874 же году Ѳеодоръ Васил. почувствовалъ себя не здоровымъ; но опасности не предвидѣлась; впрочемъ для облегченія болѣзни, онъ лечился сгущеннымъ воздухомъ при помощи пневматической машины, по совѣту врачей. Для полного выздоровленія Ѳеодоръ Васил. нашелъ нужнымъ дать себѣ совершенный отдыхъ отъ всякихъ напряженныхъ занятій во время лѣтнихъ каникулъ; съ этою цѣлю онъ вояжировалъ въ Москву, въ Сергіеву Лавру и др. мѣста. Поѣздка и хорошая погода благоприятно повлияли на поправленіе его здоровья, объ этогъ высказывался самъ онъ, это замѣтно было и со стороны. Но недолго наслаждался Ѳеодоръ Васил. своимъ поправленнымъ здоровьемъ. Въ 1875 г. обнаружилась у него грудная боль и проявился усиленный кашель днемъ и ночью, а послѣ напряженныхъ трудовъ иногда показывался на тѣлѣ его холодный потъ; частый и удушливый кашель сильно разстроилъ грудь, а потъ холодный изнурялъ все тѣло. Силы его замѣтно слабѣли болѣе и болѣе, открылась къ тому же одышка, о. Ректоръ ослабѣлъ. Для восстановленія здоровья онъ выѣзжалъ, во время лѣтнихъ каникулъ, на дачу за городъ; жилъ тамъ и дышалъ свѣжимъ воздухомъ. И эта мѣра оказалась не дѣйствительною для излѣченія болѣзни. Послѣ каникулярнаго времени больной былъ также слабъ, какъ и до каникулъ. Чувствуя болѣзненное свое состояніе и опасное положеніе въ будущемъ, о. Ректоръ обратился вновь къ лѣченію медицинскими средствами. Отъ одышки, для поправленія грудныхъ органовъ, больной вновь обратился къ прежнему способу лѣченія. Но пользы отъ такого способа лѣченія

не видно было; между тѣмъ больной еще не переставалъ исполнять свои обязанности по школь. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1875 г. больной слегъ въ постель, отказавшись формально, на время лѣченія, отъ учительства и ректуры, и съ тѣхъ поръ уже не показывался на службѣ училищной до самой смерти. За помощію больной обращался къ докторамъ, пользующимся авторитетомъ въ нашемъ городѣ; но они не помогли. Лучшие доктора собираемы были, по желанію больного, на консилиумъ; болѣзнь тщательно была изслѣдована ими и, по изслѣдованіи, они посоветовали отпраться больному въ Швейцарію для лѣченія. Больной намѣренъ былъ воспользоваться этимъ совѣтомъ и обратился съ просьбою, куда слѣдуетъ, за разрѣшеніемъ и денежнымъ пособіемъ на путевыя издержки; разрѣшеніе отлучиться ему на опредѣленный срокъ въ Швейцарію, для вышепомянутой цѣли, послѣдовало съ сохраненіемъ ему содержанія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, по повѣзку эту больной отложилъ до будущей весны.

Во время лѣченія отъ тяжкаго недуга больной съ полною вѣрою обращался къ благодатнымъ средствамъ Св. церкви. На Праздникъ Введенія во Храмъ Б. Матери исповѣдывался и общался Св. Таинъ. Исполнивши христіанскій долгъ больной великодушно приготавливалъ себя ко встрѣчѣ смерти, о ней помышлялъ и любилъ пѣть надгробныя церков. пѣсни. За три дня до праздника Рожд. Хр., по рассказамъ супруги покойнаго, онъ сполна и сознательно пропѣлъ панихиду, не обращая никакого вниманія на сидѣвшую подлѣ него и плачущую свою жену.

На самый праздникъ Рожд. Хр. больной другой разъ общался Св. Таинъ, а въ самый праздникъ привѣтливо принималъ гостей; впрочемъ бесѣды съ посѣтителями скоро утомляли его. Въ третій день помянутаго Праздника больной чувствовалъ особенную тоску, досадуя на то, что никогда еще не приходилось

проводить великой и свѣтлый праздникъ въ такомъ плачевномъ положеніи. Что прежде интересовало меня, говорилъ больной по-сѣщавшимъ его во время болѣзни, то теперь потеряло всякую прелесть, что забавляло меня въ жизни, то теперь не имѣетъ ни какой приманки, все земное отказывается отъ меня—дурной признакъ; сверхъ сего прежде не любилъ я плакать, а теперь невольно и почасту плачу, самъ не зная о чемъ—при этихъ словахъ заплакалъ. На праздникъ Срътенія Господня 2 фев. 1876 г. больной почувствовалъ особенную слабость и пожелалъ особороваться. Таинство Св. Елеосвященія совершено было надъ больнымъ въ 7 час. вечера о. Архимандритомъ Евсевиємъ, преподавателемъ Сарат. Д. Семинаріи въ сослуженіи съ другими 3 Священниками. Молящимися при этомъ были близкіе родные и знакомые. Съ каждымъ днемъ затѣмъ жизнь больного видимо потухала. 9 фев. больной пожелалъ въ 3-й разъ приобщиться Св. Таинъ; желаніе его исполнено—приобщился онъ послѣ Вож. Литургіи изъ чаши св. дарами, въ этотъ же день онъ посѣщенъ былъ послѣдній разъ Пресвященнымъ Тихономъ. На 2-е февр. открылась у больного обильная мокрота горломъ, угрожавшая опасностью удушить его; благовременно подано было медицинское пособіе, больной нѣсколько успокоился. Въ это время дѣти молились у постели больного о. Ректора, и онъ съ твердостію произнесъ: „учитесь.... помните мои слова.“ Въ день смерти, въ пятницу 2-й недѣли В. Поста, о. Ректоръ выразилъ желаніе свое еще разъ причаститься пречистыхъ Христовыхъ Таинъ изъ св. чаши, что возможно было исполнить только на другой день, но Господь судилъ ему *истинно причащаться. въ невечернемъ дни царствія Своего.* О. Ректоръ скончался тихо, мирно, истинно по христіански.

По обычному приготовленіи тѣла усопшаго о. Ректора читали по немъ Св. Евангеліе о. Діон. Геромонахъ и діаконовъ Киновійской ц. о. Виддиновъ цѣлый вечеръ и ночь, затѣмъ читали воспитанники V и VI классовъ Семинаріи. Многіе изъ градскихъ священниковъ посѣщали покойнаго и почти безпрерывно, одинъ за другимъ, служили о упокоеніи души его панихиды.

Выносъ тѣла усопшаго о. Ректора въ Троицкую церковь и погребеніе покойнаго совершены были самимъ Преосвященнѣйшимъ Тихономъ, нашимъ Архипастыремъ, со всею торжественностію въ день воскресный 29 февр. Крестный ходъ съ хоругвями и св. иконами, посреди разставленныхъ въ ряды всѣхъ воспитанниковъ Семинаріи, шестіе Архіерея въ полномъ облаченіи, сопровождаемаго многими священнослужителями, несеніе гроба на рукахъ свящ. лицъ, стеченіе огромнаго количества народа, вслѣдъ за гробомъ идущая тихими шагами убитая горемъ осиротѣлая супруга покойнаго о. Ректора съ малыми сиротками, — все это представляло величественную и вмѣстѣ трогательную картину. По выносѣ тѣла покойнаго о. Ректора во св. Храмъ, Преосвященнѣйшій произнесъ глубоко-назидательную рѣчь при гробѣ, послѣ прочтенія часовъ. Вотъ текстъ ея.

*Чадца моя, не любимъ словомъ, ниже
языкомъ, но дѣломъ и истиною (1 Иоан. 3; 18).*

Съ сими словами всемірнаго проповѣдника евангельской любви — святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова обращаюсь преимущественно къ вамъ, осиротѣлые питомцы! Примите эти слова, какъ послѣдній урокъ, предлагаемый вамъ вашимъ отцемъ ректоромъ, въ руководство на всю вашу жизнь, предлагаемый хотя и не въ обычному порядкѣ, не съ кафедръ своей,

но изъ сего гроба своего, и не живымъ голосомъ, но симъ мертвымъ молчаніемъ своимъ, тѣмъ не менѣе однакоже урокъ поучительный болѣе, чѣмъ тѣ уроки, которые преподаются съ кафедръ, перѣдко живо и краснорѣчиво.

Не красотой рѣчи, не искусствомъ ея оборотовъ, даже не богатствомъ мыслей и не силою доводовъ, *но дългомъ и истинною*, какъ выражается св. Іоаннъ Богословъ, должны быть и бывають поучительны богословскіе уроки о христіанской любви. Значить, — не тотъ преподаватель хорошо учить христіанской любви, который хорошо только говоритъ о ней, — но тотъ, который олицетворяетъ собою эту любовь, проявляя ее въ жизни своей, чрезъ многоразличныя виды самоотверженія до самыхъ высокихъ его степеней, въ случаѣ нужды даже до положенія души, до пожертвованія жизнью за другихъ: *болыи бо сѣя любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя*. (Іоан. 15; 13).

Мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что и покойный вашъ отецъ ректоръ принадлежалъ именно къ числу такихъ самоотверженныхъ преподавателей уроковъ христіанской любви. Вы лучше, чѣмъ кто либо другой, знаете и можете засвидѣтельствовать, что я говорю истину. Вашъ отецъ ректоръ едва лишь преодолѣлъ обычно-срочное теченіе жизни человѣческой. Гдѣ же причина его рановременной смерти? — Не въ самоотверженной ли его любви къ Саратовской Семинаріи? По крайней мѣрѣ самъ отецъ ректоръ именно такъ понималъ причину своей смерти. Въ этомъ я васъ могу увѣрить, посредствомъ нижеслѣдующаго краткаго разсказа.

Недѣли двѣ тому назадъ посѣтилъ я вашего отца ректора, когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣи, какъ слѣдуетъ по хри-

стианскому долгу, вполне приготовился къ смерти. Видимо обрадованный моимъ къ нему прибытіемъ, онъ отъ души благодарилъ меня за посѣщеніе, и бесѣдуя со мною, между прочимъ сказалъ, что онъ глубоко тронуть присланнымъ къ нему отъ Самарской Семинаріи адресомъ, въ которомъ выразалось соболѣзнованіе, по поводу его тяжкаго недуга. Позволяю себѣ съ полною увѣренностію сказать вамъ, замѣтилъ я при этомъ отцу ректору, что и Саратовской Семинаріи все рѣшительно наставники и воспитанники не менѣе, если только не болѣе, чѣмъ Самарскіе, вамъ соболѣзнують.

При этихъ моихъ словахъ отецъ ректоръ глубоко вздохнулъ и, подумавши нѣсколько, съ чувствомъ и твердымъ голосомъ сказалъ: „да, могу по совѣсти сказать, что предъ наставниками Саратовской Семинаріи я ни въ чемъ не виноватъ; для воспитанниковъ Саратовской Семинаріи я старался дѣлать все должное, что могъ“. — Сказавши это, отецъ ректоръ съ трудомъ поднялъ и поднесъ къ своимъ глазамъ изсохшія руки, окинулъ скорбящимъ взоромъ все свое тѣло, походившее болѣе на скелеть, чѣмъ на живой организмъ, какъ-бы не хотя бросилъ бѣглый взглядъ на сидѣвшую тутъ же и плакавшую жену свою, при чемъ начелъ его словно туча черная нависла, изъ очей его словно молнія сверкнула, ланиты его озарились печальною улыбкой, и больной слабымъ, едва-едва слышимымъ, и прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ продолжалъ: „но чтожь я сдѣлалъ для себя? что я сдѣлалъ для“.... На этомъ словѣ голосъ его пресѣкся. Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: „что я сдѣлалъ для семьи своей?“ Но уже не въ силахъ бытъ это выговорить, остановился на пол-словѣ, судорожно повернулся лицомъ къ стѣнѣ, при чемъ изъ груди его вырвался болѣзненный стонъ, страдалецъ замолкъ.

Не болѣе, какъ чрезъ минуту, онъ принялъ прежнее свое положеніе, и снова печальнымъ тономъ заговорилъ: „жить-бы мнѣ жить въ Самарѣ, гдѣ такъ легко мнѣ было служить; не оставляй я Самары, не переходи я въ Саратовъ,— быть можетъ, доселѣ былъ-бы здоровъ, и жилъ бы покойно и счастливо съ родной своей семьей; а теперь?“.... На этомъ вопросѣ больной остановился, закрылъ глаза, и погрузился не то въ сонъ, не то въ раздумье.

Изъ настоящаго моего вамъ разказа вы ясно видите, что вашъ отецъ ректоръ умиралъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что изъ за Саратовской Семинаріи онъ оставилъ столько любезную ему Самару, что для блага Саратовской Семинаріи онъ принесъ въ жертву свое спокойствіе, здоровье, свою жизнь, и счастіе родной своей семьи. Полагаю, что и Саратовская Семинарія въ свою очередь также твердо убѣждена, что служебная дѣятельность покойнаго отца ректора была дѣйствительно подвигомъ добрымъ и многоплоднымъ для Семинаріи, но убійственнымъ для него самого, и такое свое убѣжденіе гласно выскажетъ предъ обществомъ, въ достоинствѣ покойнаго жизнеописаніи.

Чѣмъ же Саратовская Семинарія воздастъ за его столь самоотверженное дѣлу ея служеніе? Самымъ лучшимъ, полагаю, для него воздаяніемъ со стороны Саратовской Семинаріи будетъ, если ея воспитанники, каждый въ свое время, и въ своемъ мѣстѣ, съ такимъ же самоотверженіемъ будутъ служить Церкви и Отечеству, съ какимъ служилъ покойный ихъ отецъ ректоръ. Другое, приличное ему, воздаяніе отъ Семинаріи, равно отъ всѣхъ его сродниковъ, друзей и знакомыхъ,—это молитва. Помолимся убо о немъ, да вселитъ Господь многострадальный духъ его въ селеніяхъ праведныхъ, и дѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Божія.“

Заупокойную Божественную Литургію совершил Владыка же, въ сослуженіи съ кафедральнымъ Протоіереемъ и другими пастырями. Во время причастія за Литургію, о. Архимандритъ Евсевій произнесъ слово, въ которомъ охарактеризована была жизнь и дѣятельность покойнаго о. Ректора, бывшаго товарища его по Академіи.

Совершилось! (Іоан. XIX: 30). Почилъ многоболѣзненный страдалецъ нашъ! Почилъ на вѣки! Дорогой подвижникъ нашъ во Христѣ достигъ наконецъ въ огнь мучительныхъ страданій и смерти, достигъ, по выраженію св. Златоуста, совершенства! Душа его, очищенная страданіями, какъ золото въ горнилѣ, (Прем. Сол. III и IV гл.) взята отъ среды живущихъ на лоно Всевышняго Бога нашего! Борьба плоти и духа, всеѣмъ намъ присущая, кончилась въ немъ полнымъ торжествомъ духа надъ плотію.

Господь нашъ Іисусъ, возмущившись духомъ, прослезившись, сказалъ о смерти друга своего, Лазаря: *Лазарь, другъ нашъ, усне!* (Іоан. XI: 11). Въ слѣдъ Господу, и наше сердце о смерти собрата нашего скорбно взываетъ, „другъ нашъ усне!“ Ни колынопреклонные молитвенные вопли и рыданія его супруги, ни плачь дѣтей и родныхъ, окружающихъ смертный одръ друга нашего, не могли задержать замиравшей его жизни! Прерывающіеся, послѣдніе, смертные вздохи его, на глазахъ моихъ, замерли на устахъ его. Свѣтившаяся за минуту до смерти жизнь во взорахъ его, во мгновение угасла! Рука его, за полчаса до смерти, еще разъ благословлявшая дѣтей св. ихъ, въ короткія мгновенія прекратила на вѣки свои движенія. О дорогой собратъ нашъ! Всеми силами своего сердца мы желали бы вернуть тебя къ жизни, но предъ нами одинъ бездыханный,

недвижный прахъ твой, а твой мощный духъ, одушевлявшій сіе изстрадавшееся тѣло, отошелъ на вѣки ко Господу! „*О чудесе, что сіе, еже предъ нами бысть сіе таинство?*“ Раѣе, чѣмъ мы ожидали, „*ты сопрягся смерти, воистинну Бога нашего повелѣнемъ, дающаго упокоеніе*“ душамъ нашимъ! (Стих. на погреб. 8 гл.). Богу слава за вся!

Велика, необъятна область таинственнаго, сверхъ-естественнаго. Непроницаема завѣса вѣчности, въ которую вступилъ почившій собратъ нашъ! Въ этотъ высочайшій моментъ разлученія души съ тѣломъ, „какъ бы самъ Богъ склоняется къ лицу умирающаго, со всеми своими солнцами, со всеми своими вѣками, которые предстоятъ ему съ трепетнымъ благоговѣніемъ, пріемлетъ на лоно Свое этотъ исходящій, безсмертный духъ, и полагаетъ предъ Собою, какъ новый міръ.“ Смерть есть рожденіе для жизни вѣчной, нескончаемой, душа умирающаго, какъ поворожденный младенецъ, вступаетъ на безконечное поприще загробнаго существованія. И между тѣмъ, какъ дорогіе останки нашего усоннаго собрата отнынѣ будутъ сохраняться во гробѣ, въ вѣдрахъ земли, какъ въ ковчегѣ Ноевомъ, для страшнаго суда Господня, до послѣдней трубы Архангела, которая пробудитъ его, какъ спящаго, къ новой нескончаемой жизни, душа его, теперь одна безъ тѣла, предстаетъ на частныя судилища Божіи, чтобы нѣкогда въ воскресенномъ, безсмертномъ тѣлѣ явиться на всеобщее страшное судилище Божіе. Судилище Божіе — вотъ гдѣ возможно чаще долженъ сосредоточиваться духовный взоръ нашъ, чтобы искать оправданія и помилованія отъ небснаго Судіи нашего! — *Вспомы, одни раѣе, другіе поздиѣе, предстанемъ судищу Христову, да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла!* (2 Кор. V: 10.).

Для оправданія на страшномъ судѣ Божіемъ, благодать Бога, спасающаго насъ падшихъ, первѣе всего требуетъ отъ насъ живой вѣры въ Бога, и Христа Его, за насъ распятаго, Единственнаго, отъ вѣчности Богомъ Отцемъ предопредѣленнаго, высочайшаго *Витовника* нашего спасенія, безъ крестной смерти Котораго оно не возможно. *Безъ сей вѣры не возможно угодити Богу.* (Евр. XI: 6). *Безъ сего, якоже портъ нечистый, по слову Пророка, вся правда наша.* (Ис. XIV. 6). *Вѣруй въ сына Божія иль осужденъ, а не вѣруй уже осужденъ естъ, яко не вѣрова во илѣ Единороднаго сына Божія* (Іоан. III: 18). Но не всякъ, глаголюй ми, *Господи, Господи,* сказалъ Спаситель нашъ, *увидетъ въ царствіе небесное, но творй волю отца моего, иже естъ на небесѣхъ.* (Мѣ. VII: 21). *Не слышатели закона,* говоритъ Св. Ап. Павелъ, *праведни предъ Богомъ, но творцы закона сіи оправдятся* (Рим. 11: 13). Правая вѣра и христіанская жизнь—вотъ коренныя условія нашего оправданія на судѣ Божіемъ!

Примемъ этотъ урокъ отъ лица почившаго собрата нашего въ неизмѣнное руководство нашей жизни, и утѣшимся надеждою, что Господь, въ минуты смерти почившаго, тайственно изрекъ страдальцу нашему сей сладостный гласъ: *аминь глаголю тебѣ, днесъ со мною будещи въ рай!* (Лук. XXIII: 43). Съ какою живою вѣрою, съ какимъ глубокимъ, притренимымъ благоговѣніемъ прибѣгаль почившій къ свѣтыѣмъ церковнымъ таинствамъ, особенно къ свѣтыѣмъ святѣйшаго таинства Евхаристіи, чтобы соединиться съ свѣтѣйшимъ тѣломъ и кровію Господа нашего Іисуса Христа! Мы уповаемъ, что на немъ спасительно совершилось слово Господа: *Ядый мою плоть, и пійи мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ!* (Іоан. VI: 56).

Что сказать объ угасшей во цвѣтъ дѣтъ и силъ, дорогой для насъ жизни почившаго, невозвратно отшедшей отъ насъ? Не обвиняя, можемъ сказать о немъ, что онъ *бы свѣтильникомъ, горя и свѣтя*, и мы *восхотѣли возрадоваться въ часъ свѣтъннѣя его!* (Іоан. V: 35). Какая ревность объ исполненіи долга своего служенія, возложенныхъ на него обязанностей, ревность о правдѣ горѣла въ духѣ и дѣлахъ дорогаго сослуживца нашего! Какъ воинъ на полѣ брани, онъ подвизался до послѣдняго изнеможенія силъ на поприщѣ многотруднаго своего служенія, и легъ костями за вѣрность своему долгу. Какое мужество одушевляло его въ борьбѣ съ людскими невѣжествами, неправдами и коварствомъ? Какая крѣпкая, какъ смерть, увѣренность его въ торжество истины надъ ложью, добра надъ зломъ! Какая неусынная, неустанная дѣятельность, не щадящая силъ и здоровья, проникнутая только чувствомъ долга, дѣятельность въ болѣе, чѣмъ пятнадцатилѣтней его службѣ! Какая терпѣливость, тщательность въ несеніи служебныхъ трудовъ обученія учащагося поколѣнія! Какое благоразумное сочетаніе строгости и кротости, выскательности и снисходительности въ дѣлѣ воспитанія неопытнаго юношества! Приспомятна и эта спокойная, свѣтлая разсудительность, настойчивость въ защитѣ праваго и благаго дѣла, и это глубокое негодованіе противу всякой недобросовѣстности. Приспомятенъ и этотъ высокій талантъ покойнаго, какъ начальника, умѣвшій поощрять усердную и полезную дѣятельность подчиненныхъ обращеніемъ на нее высокаго вниманія вышшаго Правительства, и своимъ теплымъ ей сочувствіемъ. А прежде сего сколько трудовъ, напряженныхъ усилій подъято имъ для собственнаго образованія и воспитанія отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ ступеней просвѣщенія, усилій, увѣнчанныхъ богатствомъ разнородныхъ и обширныхъ познаній, и выскокаго дара здраво любомудрствовать и право богословствовать.

Его глубокой умъ, ясно видя эфемерность современныхъ, модныхъ идей, указывалъ ее и другимъ и въ школахъ и обществахъ. (*) По истинности и правотѣ своихъ убѣжденій, онъ былъ врагъ противу всѣхъ враговъ церкви и Евангелія! *Поминайте*, возлюбл. питомцы его, неоцѣннаго въ этомъ отношеніи своего *наставника* и руководителя, и *подражайте*, по слову Апостола, *вѣръ его!* (Евр. XI: 7). А мы, сослужившіе ему собратіе, забудемъ ли когда либо, какое дружелюбіе, привѣтливость, ласковость одушевляли его въ обращеніи съ средою, его окружавшею? Доброта сердца его неотразимо привлекала сердца всѣхъ насъ, понимавшихъ его, и была душою окружающаго его общества. Память объ этомъ неоцѣнномъ духѣ дружелюбія его да пребудетъ навсегда незабвенною въ нашей обители науки! А за тѣмъ, какое тихое, безропотное смиреніе его доброго сердца въ разнообразныхъ и перѣдкихъ огорченіяхъ и скорбленіяхъ духа! Какая сокрушенность сердца, проявлявшаяся особенно во дни продолжительнаго его недуга! Неудержимыя слезы лились изъ глазъ этого сокрушеннаго болѣзнію лица, лились между прочимъ о томъ, что „онъ въ „полдень дней своихъ долженъ лишиться остатка лѣтъ своихъ, „во врата подземныя пойти“, что „въ день и ночь повелѣлъ ему „Господь скончаться! Какъ ласточка ворковалъ онъ, стоналъ, „какъ голубь; тожно глядѣли очи его къ высотѣ, да Господь „заступитъ его, ибо тѣсно ему!“ (Ис. XXXVIII: 10—14). Любовь его къ семьѣ родной была тихимъ, неугасаемымъ пламенемъ, горѣвшимъ въ немъ до послѣдняго его вздоха. И послѣ

(*) Замѣчательна въ этомъ отношеніи публичная лекція, составленная покойнымъ, «о происхожденіи челоѣка,» съ эпиграфомъ: *Сего бо и родъ есмь*, направленная противъ современныхъ матеріалистовъ. Раскрывая несостоятельность матеріализма по данному вопросу, независимо отъ мастерскаго изложенія, возвышеннымъ взглядомъ на предметъ она произвела глубокое впечатлѣніе на публику. Причитана была, въѣето автора, о. М. А. Соколовымъ, въ залѣ Дворян. Собранія въ 1875 г.

многотрудной и общепользующей жизни своей, что оставляет онъ своему скорбящему, сѣтующему семейству? Выбѣто богатства, — свое честное, незапятнанное имя, надежду на промысль Божій, и ожиданіе сострадательной помощи начальственной! Но истинѣ, онъ *подвизался добрымъ подвигомъ, теченіе кончилъ, спру соблюлъ. Прочее соблюдается ему вѣнецъ правды, егоче воздастъ ему Господь въ день онъ, Праведный Судія, какъ возлюбленному явленіе Его.* (2 Тим. IV: 7--8). Благословенна такая жизнь, идущая на срѣтеніе вѣчности! Память ея достойна гблаженія въ родъ и родъ.

Благословенная Главо! Пріими сіе скудное, неискусное по искреннее выраженіе неподдѣльныхъ чувствъ преданности, привязанности, приверженности къ тебѣ! Пріими, и благослови съ высоты покоя твоего нашу обитель науки! *Благословеніе отчее утверждаетъ дома чадъ!* (Сир. III: 9). А мы всѣ, любившіе и знавшіе тебя, не престанемъ, до послѣдняго нашего издыханія, взывать ко Господу о упокоеніи души твоей! Да упокоитъ любвеобильный Господь душу твою въ ликѣ возлюбленныхъ своихъ угодниковъ, достойно и пріятно ему служащихъ! Да увѣнчаетъ сладчайшій Спаситель нашъ, по Своему нелицемѣрному правосудію, тебя смирившася, по примѣру Его, до смерти, такъ ранней, и потому тѣмъ болѣе тяжелой! Мы вѣруемъ, что Ты не забудешь и насъ, по отложеніи сего смертнаго тѣлесе, и будешь помогать намъ, какъ помогалъ доселѣ, и въ загробномъ молитвенномъ ходатайствѣ предъ престоломъ Небеснаго Отца нашего. Аминь.

Послѣ Литургіи, предъ началомъ совершенія чина погребенія, преподавателемъ Саратов. Д. Семинаріи, о. Игуменомъ Мисаиломъ сказана была при гробѣ покойнаго задушевная рѣчь слѣдующаго содержанія:

Нашъ добрый начальникъ, отличный наставникъ, прекрасный сослуживецъ, искренній другъ и совѣтникъ, усопивій братъ о Христь многоуважаемый о. Протоіерей Оед. Васильевичъ!

Намъ не хотѣлось, чтобъ такъ преждевременно покончили ты свои учебно-воспитательныя занятія столь важныя и полезныя не для одного дух. юношества, но и для самихъ преподавателей.

Не исполнилось еще трехъ лѣтъ твоей начальной службы въ здѣшней д. Семинаріи и уже ты оставляешь ее. Жаль, очень жаль! Но нашимъ человѣческимъ расчетамъ тебѣ слѣдовало бы много дольше послужить для пользы нашего заведенія; нуженъ бы ты и для поддержанія своего многочисленнаго семейства. Такъ думали мы, но иначе разсудилъ и опредѣлил Тотъ, въ руки Котораго жизнь каждаго челоуѣка. Небесная посланница—смерть, отдѣлившя тебя отъ среды нашей, отзываетъ въ другія обители.

Немного пожилъ ты съ нами, почтеннѣйшій о. Ректоръ, но много добрыхъ воспоминаній оставилъ по себѣ. Доброта, благородство и прямота характера, добросовѣстность и точность въ исполненіи своихъ обязанностей, благоразуміе въ управленіи, правдивость и честность—вотъ тѣ прекрасныя качества, которыми украшена была душа твоя. Съ ними ты явился къ намъ на службу; ихъ открывалъ предъ нами; ихъ проводилъ въ нашу жизнь. Оттого-то жизнь наша, при тебѣ, шла правильно, въ надлежащемъ порядкѣ. Каждому изъ насъ отдавалось должное по заслугамъ. Учебныя дѣла наши дѣлались по совѣсти, какъ слѣдуетъ. Наша наставнич. корпорація не раздѣлялась на партіи, которыя сильно вредятъ существу дѣла, но объединялась твоимъ разумнымъ управленіемъ и единодушно преслѣдовала интересы своего заведенія. Не поддавался ты стороннему—вредному вліянію, но всегда былъ защитникомъ нашихъ правъ и вообще достойнымъ правителемъ д. Семинаріи.

Собравши разныя черты твоей благотворной администрати-

вной дѣятельности, не вольно скажешь: „Ахъ, о. Ректоръ, о. Ректоръ! Жить бы тебѣ,—жить. Спокойно, весело и пріятно жилось намъ съ тобою“.

Начальствующіе, учащіе и учащіяся въ нашемъ заведеніи—вотъ всѣ мы собрались къ тебѣ, о. Ректоръ, не какъ подчиненные къ начальнику, а какъ братья равные одинъ другому, какъ прежніе твои друзья и пріятели, какъ дѣти къ отцу, собрались не для того, чтобъ отдать отчетъ предъ тобою въ своихъ дѣйствіяхъ по школѣ, а съ тѣмъ, чтобъ принести ко Господу свои сердечныя молитвы о упокоеніи твоей души и дать тебѣ послѣднее цѣлованіе. Разстаемся съ тобою, о. Ректоръ, не навсегда, а только до свиданія. Какъ ты самъ твердо вѣрилъ въ будущую загробную жизнь и съ надеждою на нее тихо и мирно скончался, такъ и всѣ мы несомнѣнно увѣрены въ томъ, что сосмертію тѣла жизнь души не прекращается. И слово Б., исторія, наука—психологія и здравый разумъ убѣждаютъ насъ въ истинѣ того, что духъ человѣка, освободившійся отъ брэннаго тѣла, не умираетъ, но живетъ и съ большею свободою дѣйствуетъ въ новомъ мірѣ духовъ. Для насъ, облеченныхъ грубою плотію, загробная жизнь прикрыта завѣсою тайны; для тебя же, усопшій о. Ректоръ, теперь эта завѣса открыта; предъ тобою всѣ вещи представляются въ ихъ истинномъ видѣ; добрый и чистый духъ твой теперь видитъ ясно и въ полнотѣ все то, къ чему здѣсь только стремился, и наслаждается тѣмъ, чего здѣсь желалъ. По отдѣленіи отъ тѣла нашихъ душъ, не будетъ препятствія для нихъ, вѣруемъ мы, повидаться съ твоею душою, между которыми такъ много сроднаго.

Когда разлучается на долго отецъ съ своими дѣтьми, или опытный другъ съ своими друзьями, то, при прощаніи, первые даютъ послѣднимъ наставленія, совѣты, предостереженія, либо заповѣди.

Желательно бы и намъ выслушать отъ тебя, покойный о. Ректоръ, хотя краткіе совѣты при настоящемъ разставаніи. Еслибъ возможно было проговорить тебѣ, то конечно повторилъ бы то, чѣмъ занята была твоя добрая душа и что по часту го-

ворилось тобою при жизни. Припомнимъ нѣкоторыя твои изреченія. „Будьте, наставники, сами глубоко убѣждены въ томъ, чему учите другихъ; добросовѣстно исполняйте свои обязанности, дѣйствуйте согласно между собою въ дѣлѣ воспитанія и обученія, тогда дѣло истиннаго образованія будетъ успѣшно, прочно и надежно“. Принимаемъ этотъ за душевный совѣтъ твой, запишемъ его не на бумагѣ, а на сердцахъ своихъ, и будемъ прилагать къ дѣлу.

Г.г. воспитанники! Любите преподаваемыя вамъ науки; серьезно занимайтесь своимъ дѣломъ, безъ чего нельзя быть истинно просвѣщеннымъ; сознательно, по совѣсти, охотно, а не принужденно, исполняйте данныя вамъ въ руководство правила инструкціи, дорожите своимъ честнымъ поведеніемъ, для того, чтобъ приготовиться къ достойному прохожденію будущаго пастырскаго служенія“.

Запомните, г.г. воспитанники, послѣднее завѣщаніе о. Ректора, храните оное и постарайтесь выполнить.

Есть еще одно предсмертное слово о. Ректора. Послушайте, вотъ оно: „долго болѣлъ я, много истратилъ средствъ на лѣченіе, но безъ пользы; скоро откажутъ въ выдачѣ мнѣ жалованья. Чѣмъ жить моему семейству“? Здѣсь остались твои добрыя родные, покойный о. ректоръ, они не откажутся помочь необходимымъ нуждамъ оставшагося послѣ тебя семейства. И знакомые твои тоже помогутъ осиротѣлому семейству твоему, чѣмъ могутъ. Но сильнѣе всѣхъ насъ послужить помощію и заступленіемъ этимъ сиротамъ Самъ Господь Богъ,—Онъ по преимуществу Отецъ сиротъ, любить ихъ и милуетъ, помилуетъ и твое о. Ректоръ, осиротѣвшее семейство. Утѣшьте сироты!

Добрый нашъ о. Ректоръ! Иди въ мирѣ, съ надеждою на Бога, туда, куда зоветъ голосъ Божій. Прости, прощай... Сейчас помолимся съ теплою сердечною Господу Богу, да приметъ духъ твой и вселитъ его тамъ, гдѣ праведные покоятся.

Во время самаго отиѣванія тѣла усопшаго о. Ректора, послѣ 4-го Евангелія и вскорѣ за тѣмъ, говорились двѣ рѣчи

воспитанниками Д. Семинари: V кл. Петр. Подыскимъ и VI кл. Никол. Агривскимъ, съ выраженіемъ теплыхъ чувствъ. Помѣщаемъ самыя рѣчи.

„По истинѣ трогательное и печальное зрѣлище представляется нашимъ взорамъ! На нашихъ глазахъ вдругъ таетъ знакомая намъ жизнь, и мы не замѣтили, какъ успѣлъ подкрасться къ ней плачевный, но неизбѣжный жребій человѣческой. Давно ли эта жизнь, слѣды которой мы видимъ во гробѣ, по видимому, цвѣла свѣжестью и здоровьемъ? Всѣ думали, что жизнь его принадлежитъ еще будущему, и всѣ возлагали на него большія надежды. Предъ нимъ разстилался широкій и далекій путь многосторонней дѣятельности и первые шаги его на этомъ пути уже обѣщали много хорошаго въ недалекомъ будущемъ. Дѣйствительно, съ какой бы стороны мы ни посмотрѣли на жизнь усопшаго, вездѣ находимъ въ ней явленія, отрадно и благотворно дѣйствующія на душу. И кто бы ни услышалъ о твоей кончинѣ, приспомятныи наставникъ нашъ, у всякаго оживится въ памяти и освѣтится твой образъ, свѣтлый образъ мудраго руководителя въ знаніи. Но не успѣли мы порадоваться добрымъ началомъ твоего великаго труда, какъ ты съ открытаго предъ тобою широкаго пути восходишь на иную дорогу, которая ведетъ туда, откуда нѣтъ уже возврата къ нашимъ надеждамъ. Вотъ ты уже и облаченъ, и во гробѣ ты, и могила тебѣ готова. Путь земной жизни тобою пройденъ. Скорби духа твоего и болѣзни тѣла кончились, тѣсный гробъ вмѣстилъ твое бременное и изнуренное болѣзнями тѣло. Еще два-три часа, и мрачная могила навсегда сокроетъ тебя отъ насъ. Но зачѣмъ такая преждевременная смерть? Зачѣмъ исчезла отъ насъ драгоценная жизнь, еще такъ много обѣщавшая? Зачѣмъ ты такъ рано сомкнулъ свои очи, и не дождался заката дней своихъ,—среди самаго полудня—заснулъ сномъ непро-

будным? Тебѣ-ли предаваться несвоевременному покою и бездѣйствію, когда и занимаемое тобою служеніе, и обстоятельства семейной жизни призывали тебя къ долгой жизни и дѣятельности? Пусть бы ты совершилъ весь свой путь и потомъ съ миромъ отошелъ въ обитель небесную, какъ спѣлый колосъ, уже не могущій держаться на нивѣ Господней. Тогда спокойнѣе мы могли бы смотрѣть въ глаза смерти. А теперь..... гдѣ найдемъ успокоеніе? Что положить конецъ болѣзненнымъ вздохамъ нашего сердца? Ужели цвѣтъ для того и распустился въ прекрасномъ мірѣ Божіемъ, чтобы блеснуть на мновеніе и потомъ, не образовавъ плода, увянуть безъ слѣда?

О Боже великій и неисчетный! Какъ неисповѣдны судьбы Твои и неизлѣдованы пути Твои! Не смѣемъ мы поднять завѣсу и проникнуть въ тайны судебъ Твоихъ, но вѣруемъ, что все и вездѣ—и въ селеніи небесномъ и въ селеніи земномъ—совершается по Твоей всеблагой волѣ. Вѣруемъ, что и въ смерти почившаго нынѣ скрываются слѣды Твоего особеннаго промысленія, хотя большею частію для насъ не вѣдомые, а постигаемые только вѣрою и надеждою христіанскою.

Но да не оскорбится твоя добрая душа, что мы предаемся естественной грусти при ранней разлукѣ съ тобою. При видѣ житейскихъ невзгодъ и ударовъ, мы въ смущеніи обыкновенно сулимъ такъ, какъ подсказываютъ намъ кровь и плоть наша. Своею свѣтлою вѣрою ты освѣтилъ бы наши грустные думы и раскрылъ намъ, что не слезы нужны отъ насъ умершимъ, а молитвы о нихъ. Но намъ не услышать уже твоего тихаго, но сильнаго умомъ и вѣрою голоса. Но если ты безмолствуешь, то позволь мнѣ твоимъ именемъ предложить окружающимъ отвѣтъ на естественныя думы, насъ занимающія. Плакать при погребеніи

умершихъ, значить опускать время, самое благопріятное для молитвы о нихъ. Хорошо ли бы сдѣлалъ тотъ, кто, видя уноснаго быстротою рѣки и имѣя возможность и силы помочь ему, вмѣсто того, чтобы помогать, сталъ бы только рыдать и плакать на берегу: едва-ли и мы дѣлаемъ лучше, когда сѣтуемъ при погребеніи усопшихъ. Слезы объ умершихъ и бесполезны для нихъ, и едва ли пріятны имъ. Нельзя не плакать? скажете вы. Плачь, но въ тоже время молись, и слезные вздохи возноси къ милосердому Богу.

И такъ отдадимъ послѣдній долгъ нашъ усопшему; вознесемъ теплыя молитвы къ престолу Всевышняго, чтобы онъ могъ неосужденно предстать предъ лице Судіи живыхъ и мертвыхъ и упокоиться тамъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, а одна жизнь безконечная. Иди же, иди туда, гдѣ уготовано царствіе отъ сложенія міра для всѣхъ истинныхъ труженниковъ. Иди! и насъ прости. Ты уходишь въ тотъ далекій путь, по которому никогда не ходилъ; переселяешься въ страну, откуда никто не возвращался. И такъ прости! Прости навсегда и во всемя.

„Печальныя лица, тяжелыя думы, и скорбь, и слезы, и тихія молитвы, и сладостно-грустныя воспоминанія, — все сливается при гробѣ твоёмъ, любезный нашъ о. Ректоръ, въ одну нераздѣльную, послѣднюю дань тебѣ. Съ безмѣрною грустью, съ необлегчимою скорбью глядимъ мы въ послѣдній разъ на твою, начавшую уже было покрываться сѣдинами, голову, вмѣщавшую такъ много разнородныхъ и прекрасныхъ познаній, — на твое спокойное, величавое чело, надъ которымъ носилось столько свѣтлыхъ и глубокихъ думъ, — на твои померкшія очи, сіявшія любовію и добротою, — на твои сомкнутыя уста, изъ которыхъ живую струю лилась безхитростная, зарушевно-теплая рѣчь, — на твою, не под-

нимающуюся болѣе для дыханія, грудь, хранившую такъ много
нѣжныхъ и возвышенныхъ, истинно-человѣческихъ и истинно
христіанскихъ чувствъ. И если бы какія-либо желанія, какія-либо
молитвы сильны были возвратить тебя къ жизни: о! сколько
пламенныхъ моленій тогда вознеслось бы къ престолу Всевышняго,
когда бы Онъ воздвигъ тебя отъ гроба, возвратилъ намъ пред-
метъ нашей привязанности и особеннаго почтенія! Но нѣтъ мѣ-
ста подобнымъ желаніямъ и мольбамъ, — законъ смерти непремѣ-
ненъ; прошли твои сосчитанныя дѣла, и ты идешь дорогою, кото-
рою къ намъ болѣе не возвратишься. Поэтому, возлюбленный
нашъ начальникъ и наставникъ, въ виду вѣчной нашей разлуки,
позволь намъ, пока есть еще время, поговорить, если не съ то-
бою, то при тебѣ...
Признаться-ли тебѣ, что окружающіе гробъ твой вовсе не
изъ тѣхъ безутѣшно плачущихъ, которыхъ и самому тебѣ прихо-
дилось видѣть при жизни?... Нѣтъ, — не въ плакать по твоихъ
бренныхъ останкахъ собрались мы сюда... Мы пришли сюда съ
тѣмъ, чтобы, по возможности, сравнить твое настоящее положеніе
съ нашимъ. Мы, припикая къ твоему праху, хотѣли бы прочесть
на немъ, кому изъ насъ съ тобою лучше... Да впрочемъ что мы
говоримъ? Тебѣ извѣстнѣе твое и наше. Твой путь предъ тобою
свѣтелъ и ясенъ. Вѣчность, — та вѣчность, у которой нѣтъ ни
дней, ни ночей, для которой не существуетъ ни наше „завтра“
ни „вчера“, вѣчность съ своимъ только „нынѣ“ — необозримымъ
и неизмѣримымъ — не вся-ли она теперь предъ тобой, со всеми
своими необъятными свойствами? Не видишь-ли ты теперь отчет-
ливо, чѣмъ кончится твоя судьба? Не предъ Богомъ-ли право-
суднѣйшимъ и бесконечно милосерднымъ предстоишь уже ты въ
настоящія минуты? Не предвкусываешь-ли ты уже, — какъ добрый
христіанинъ, — райскія блаженства?... А ихъ чудесная сладость

и безконечность не манятъ ли тебя стремиться къ нимъ неудержимо? Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, Его Пречистая Матерь, Ангелы, Архангелы и все небесное воинство, праведники и святые, не все ли они открыты тебѣ для очей твоего бессмертнаго духа, освободившагося отъ узъ тлѣннаго естества?

Да, любезный нашъ начальникъ! То, чего духъ, облеченный плотию, не можетъ трясено постичь цѣлыя тысячи лѣтъ, — то, надъ чѣмъ тщетно усиливаются лучшіе умы человечества, — то, наконецъ, что для насъ — твоихъ братьевъ во Христѣ темная, непроглядная ночь, то открылось предъ тобою вмгъ; ты теперь среди вѣчно-благаго дня и уже лицомъ къ лицу встрѣтился съ тѣмъ, о чемъ и гадать мы боимся. Мы полагаемъ, что и самъ ты вмѣстѣ съ нами нерѣдко силился проникнуть за ту роковую завѣсу, которая тѣмъ темнѣе и непроницаемѣе становилась для насъ, чѣмъ пытливѣе было наше любопытство? „Что такое смерть, что будетъ съ нами“ за нею, какъ понимать вѣчность, — предъ всеми такими вопросами, какъ при тебѣ, такъ и теперь стоимъ мы въ нѣмомъ благоговѣнн, съ одною только вѣрою.... А теперь ты все это видишь, понимаешь и знаешь. Какой великій шагъ ты совершили!... Мы вѣримъ, что тебѣ не жаль земли и, разъ простившись съ нею, ты уже не захочешь воротиться на нее. Что здѣсь? Не три-ли доли скорбей и одна, а пожалуй и того меньше, радостей? Посмотри на насъ — твоихъ юныхъ питомцевъ, еще не вышедшихъ изъ подъ образовательной опеки: что насъ ждетъ? Какая дорога? Какая жизнь насъ встрѣтитъ и какъ мы съ нею встрѣтимся? Пойдутъ ли дни наши смѣняться счастливою чередой, или наоборотъ? Быть можетъ, жлуть насъ тяжелая бѣдность и и не всели переживаемыя лишения? Быть можетъ, мы, противъ вѣсѣхъ своихъ ожиданій, допустимъ въ жизни много промаховъ ко

вреда себѣ и ближнимъ своимъ. — Да, все это можетъ быть.... Ты же теперь всего этого избавился. И по этому одному мы смѣемъ себя увѣрить, что ты уже насколько не гонишься за настоящею жизнью?! Чѣмъ она сопровождается: вѣчною славою, вѣчными почестями, вѣчною знаменитостію?! Нѣтъ, — одними огорченіями, бѣдствіями, скорбію и въ концѣ концовъ — могилою. Въ могилу сошли наши дѣды и прадѣды, за ними слѣдуешь и ты, а за тобою сойдемъ туда же и мы, сойдемъ непременно, сойдемъ, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ ты, усталыми и изнуренными подъ тяжкимъ бременемъ горькаго житейскаго опыта! Для тебя нѣтъ уже болѣе ни болѣзней, ни печали, ни воздыханія, а мы идемъ къ нимъ на встрѣчу.... Все это наше горькое достояніе, которое должны мы пережить, переболѣть и перечувствовать!...

Да, любезный начальникъ нашъ, мы вѣримъ, что пережитая тобою минута христіанской смерти въ сравненіи съ тою вѣчностію, въ которую переселился духъ твой менѣе, чѣмъ „ничто“, и твое безконечное будущее несравненно лучше кратковременнаго, узкаго и, по большей части, печальнаго настоящаго....

Ты окончилъ свое многотрудное поприще. Окончилъ честно, благородно. Мы, твои юные питомцы, очевидцы и свидѣтели того, что путь, по которому ты слѣдовалъ въ земной своей жизни, былъ прямъ и безукоризненъ. Мы не забудемъ тебя ни въ шлоу, гдѣ глазъ нашъ привыкъ видѣть тебя всегда серьезнаго и глубокомысленнаго, ни въ святомъ храмѣ, въ которомъ съ истинно-христіанскимъ чувствомъ ты возсылалъ торжчія, сердечныя молитвы къ Богу. Мы не забудемъ тебя привѣтливаго и любезнаго въ отношеніи къ нашимъ наставникамъ, благоразумно-строгаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благоразумно-милостиваго къ намъ — твоимъ воспитанникамъ. Мы не забудемъ тебя, въ сужденіяхъ отчетливаго, въ чувствахъ — прекраснаго, въ поступкахъ — прямиаго и

рѣшительнаго... Мы не забудемъ тебя умнаго, добраго и честнаго... Уповаемъ, что и будущность твоя будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ безконечнымъ поприщемъ въ томъ святомъ направленіи, въ какомъ переступилъ ты за порогъ могилы. Мы желаемъ, молимъ Бога, вѣримъ и надѣемся, что Онъ Милосердый за доброе настроеніе и чисто-христіанскія качества твоей души наградитъ тебя по заслугамъ!...

Такъ, прости же, прости на вѣки, незабвенный нашъ наставникъ и начальникъ. Иди съ миромъ въ путь предстоящій тебѣ, тотъ блаженный путь, который душу вѣрующаго приводитъ къ вѣчному упокоенію! Мы же будемъ молить здѣсь Господа, да сторицею воздастъ Онъ за все благое, едѣланное тобою, въ день праведнаго воздаянія Своего, и да вселитъ Онъ тебя въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ прохладнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, — гдѣ нѣтъ ни трудовъ, ни болѣзней, ни печали, ни заботъ!“

Въ концѣ отпѣванія выражено было въ рѣчи, произнесенной наставникомъ Саратов. Д. Семинаріи Вас. Вас. г. Мудролюбивымъ, внутреннее душевное расположеніе къ покойному о. Ректору, за его особенную доброту.

На сколько уважали покойнаго о. Ректора, вполне обнаружилось это при погребеніи; все почти градское духовенство участвовало въ совершеніи чина погребенія; довольно помѣстительная церковь была переполнена молящимися, въ числѣ ихъ были Начальникъ губерніи, начальствующіе и учащіе изъ учебныхъ заведеній г. Саратова и многія др. представительныя особы: тысячи народа наполняли всю длинную Московскую улицу, по которой шла погребальная процессія, гробъ несенъ былъ, на протяженіи всего пространства отъ церкви до Монастырскаго кладбища — не меньше 7-ми верстѣ, то сослуживцами покойнаго, то восмита-

никами Семинаріи и другими лицами на рукахъ. По окончаніи погребенія, въ квартирѣ ректорской супруга покойнаго устроила поминальный столъ. Послѣ о. Ректора остались: супруга его и четверо малыхъ сиротокъ— 2-ва сына и 2-вѣ дѣвочки.

На другой день погребенія благодарные сослуживцы покойнаго о. Ректора, какъ начальствующие и учащіе, такъ и воспитанники здѣшной Д. Семинаріи, отслуживъ большую панихиду, помолились сердечно о упокоеніи души преставившагося. Въ тотъ же день начальствующими и учащими Семинаріи Саратов. по подпискѣ пожертвовано деньгами *четыреста пятнадцать руб.* (415 р. сер.) на образованіе 12-лѣтней дочери бывшаго о. Ректора въ женской гимназіи и на приготовленіе 8 л. сына его въ училище; кромѣ того, Пресвященный присоединилъ къ соборнымъ свою жертву—*50 руб. сер.* Деньги сполна переданы супругѣ покойнаго о. Ректора. Самарцы, съ которыми жилъ и служилъ, о. Протоіерей Ѳеодоръ Вас., сохранивъ любовь къ нему, предъ смертію о. Ректора прислали адресъ, съ выраженіемъ своего соболѣзнованія о тяжелой болѣзни его и желанія здоровья. Такое искреннее расположеніе къ больному прежнихъ сослуживцевъ радовало и одѣбрало его. По смерти о. Ректора, Самарская Семинарія прислала супругѣ покойнаго телеграмму такого содержания: „Начальствующие, учащіе и учащіяся Духовной Семинаріи и Епархіал. женскаго училища, друзья и почитатели Протоіер. Ѳед. В. Гурьева, совершивъ панихиду о упокоеніи души его, посылаютъ вдовѣ съ сиротами искреннее соболѣзнованіе о дорогой утратѣ,“ съ обѣщаніемъ отслужить за упокойную Вож. Литургію.“

Вѣчная память примѣрному труженнику о. Ректору, стяжавшему себѣ столь добрую славу!
